

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СУШИЙ ЗВЕРЬ

Илья Кнабенгоф

Илья Леонович Кнабенгоф

Суций зверь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56906240

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-04976-5

Аннотация

Книга повествует о подростках не от мира сего, с мировоззрением, отличающимся от общественного мнения, которые в какой-то момент взмолились, чтобы их забрали с этой планеты. Неожиданно их просьба была услышана, и к ним из неведомого, иного мира направляется таинственная пара. По ходу сюжета автор описал и личные жизненные ситуации, там же присутствуют различные познавательные исторические факты. Это фантастика, которая может случиться с каждым, если человек не потерял надежду и чист сердцем. Эта книга о тайне, которая всегда рядом с нами, о ежедневных чудесах, остающихся незамеченными. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Начало. Банально не замеченное	5
Первая. Конец	34
Дважды два. Чушь и Чумка	40
На троих. Суций Зверь	55
Конец ознакомительного фрагмента.	66

«И просящему дано будет!» (с) Евангелие

Начало. Банально не замеченное

Шлагбаум.

Чёрные, словно сажа, птицы лениво поднимаются из травы в серую мглу, кружат над стеблями вереска и падают обратно хлопьями пепла. Сеточка ветвей тощих деревьев расчертила видимый край земли на позволительное глазу расстояние. Сквозь стену мороси в землю падают капли, словно медные пули со свинцовым наконечником калибра 9 x 19, словно неумолимые бомбы, дробя в крупу жизнь маленьких обитателей мира степей бескрайних и родных. Природа объявила сегодня большую стирку с предварительным отмачиванием и поставила отжим на максимум, но об этом пока никто не знал. И лишь одна земная ось, одно-одионочное в незыблемости, за что можно зацепиться пуговицами внимательных зрачков, – шлагбаум.

Вот уже вторые сутки перед глазами постового Наливайко В. В. маячил этот злосчастный и полосатый, заградительный по всем статьям объект. Всё было как назло, и конь не валялся, и сельдь не в бочку. За воротником образовались лужицы. В ногах устроились усталость и чавканье. Коленки прилипли к форменным полицейским брюкам. Конечно, было положено по уставу сутки дежурить да блюсти, а после службы пятьдесят с капустой и под одеяльце. Но у сотоварища по подразделению, Подливаева Д. А., замаячил кутёж

нежданный, то ли свадьба, то ли поминки, и, вложив в лапу должностную взятку, а по факту помятую трёшку, он решил этот вопрос в пользу похмелья себе и в две бессонные ночи боевому товарищу.

– На вот, Наливайко, и ни в чём себе ни-ни!

– Да п-а-шёл ты, Подливаев, да в баню да без пива!

И теперь, с трижды проклятой на времена бесчисленные трёшкой в кармане брюк, стоял первый герой нашего литературного опуса на посту с надписью «ГАИ». И было на посту четыре тридцать утра, аки и на давненько сломанных часах пожилой тёщи Наливайко, что собирали пыль, хорохорясь дореволюционной историей, в гостинной этой самой гражданки на стене пред редко появляющимися гостями. Да ведь и часы её сломались не просто так, а по плевку проклятия, кое тёща изрекла вместе со слюной в пространство, адресуя его всея судьбе и раннему подъёму на работу. Ну да это уж год как прошёл, а нынче погодка как нельзя кстати способствовала реализации этого самого заговору. Туман ключьями стелился по дороге, протягивая свои эфемерные руки к совершенно поникшему носом и душой служивому, навевая жуть и трясучку. Одиночество давило на совесть. Нос покраснел. Глаза слипались. На ум приходили гадости. Мерзко хихикали из тёплого местечка нехорошие мыслишки, вертели хвостами сомнения.

И в какой-то неуловимый момент, который хорошо знаком дальнобойщикам с большим стажем, усталость отступи-

ла, и в груди мягко заурчало теплом. Коты не в счёт. Рыбы нет, сметана по талонам. И как-то легко стало и комфортно. Словно с голоду да холоду рюмашку опрокинул да у печки натопленной сел. Да-да, дорогие водители, именно это означает, что вы уже спите, а ваша тапка всё давит и давит на педаль газа. Герою этого абзаца повезло больше, ибо он никуда не ехал и даже не собирался. В. В. просто привалился к опорной башне шлагбаума и, уткнувшись ухом в левый погон, легонько и с хрипотцой всхрапнул. Совсем чуть-чуть. Так... Хр-р-р-р...

Встрепенувшись спустя неположенное, постовой с государственным достоинством оглядел вверенное долгом пространство. Ничто не изменилось. Ничто продолжало лезть в глаза своей отсутствующей физиогномикой. Пустое шоссе клубилось утренним маревом турецкой бани. На горизонте бескрайних полей виднелись крайние дома большого города с нелогичным названием, куда асфальтовая лента убежала одним своим хвостом, слегка ощериваясь колючками дорожных знаков. Обернувшись, полицейский внимательно всмотрелся в противоположный хвост, уходящий плавными зигзагами в некошенный вереск. Никого. Казалось, ни одной машины в этот час не урчало на всех дорогах мира. Хотя в небе Земли, как и всегда, находилось около восемнадцати тысяч самолётов. Но они не в счёт. А некоторые мы и вовсе высоты боимся. Так что и вовсе нефиг.

Между прочим и во все слышимые говоря, страхотень вы-

сотушная, которой многих из нас шпыняли сверстники в оголтелом детстве, имеет много разных проявлений и кривит рожи из мглы непоставленных диагнозов на разный манер. И ближе всего к сердцу нашему она, родимая, – боязнь шатких конструкций. На научном языке и в медицинской интерпретации она озвучена фонетически не выговариваемым сочетанием звуков и не поддающимся разуму смыслом. А и пёс с ним! Но есть по этой психологической занозе следующее наблюдение многих наших сограждан, пострадавших чувством собственной важности вследствие несущегося в спину извечного победного клича «Трусиська!». Страх перед шаткими конструкциями, сделанными руками людей, одетых в удобную рабочую одежду, никак не связан, как оказывается на поверку и опытным путём, с предметами, созданными самим нашим главным конструктором мира Господом Богом. Поясню основательно, но кратко.

Ты можешь быть бесстрашным покорителем отрицательных стенок в горах, штурмуя ледники и приводящие в ужас скалы, сидеть, свесив ножки, на отвесном обрыве околожупной висючести, но при этом ни шагу дальше к перилам балкона собственной квартиры, находящейся на банальном четвёртом этаже. В упоении кидая самолёт в пике али вжимаясь в пилотное кресло на крутом вираже, не сможешь пройти по трубе теплоцентрали, которая на высоте каких-то жалких десяти метров связывает два соседних района, пролегая над рекой, что плещется в овраге. И во всех этих тонкостях

психологии по теме поведенческих ступоров гаишник, описанный выше, не понимал ни пса. Он и вовсе был не в теме. И не положено ему было. Ну и всё. В общем, честь отдавать было некому.

В. В. поёжился от пробиравшей его до костей мокрючести и плотнее уткнулся носом в воротник с биркой, утратившей буквы и цифры. Капли дождя, грозящие всему живому малого размера в травушке окольной, блестели на полосатой, красно-белой балке шлагбаума. Они же серебрились на стенах небольшой гаишной, напоминавшей сторожевую детского лагеря будки и собирались в необъявленные общества на фуражке. И хотя всё вокруг шептало Наливайко, что сейчас самое время покемарить минут эдак пятнадцать, развитое годами чутьё неожиданно подало сигналы тревоги. И не как раньше, вроде того: «...ой, я шо-та чую почутка, но трохи без уверенности». А таки заголосило в сей же час, что твоя сирена «по форме один» на непотопляемой подводной лодке, которая, как часто бывает, внезапно камнем шарахается ко дну со всея экипажем. Ну, да у нас это часто бывает, так что вы в курсе.

Служивый завертел головой. Навострил уши. И даже вытянул шею, отчего стал похож на заправского казахского суслика в степи. Казахи, расслабьтесь, вы тут вовсе ни при чём, и книга не про вас. В воображении постового закрутился синий проблесковый маячок. Стой, кто идёт? Кстати, вы когда-нибудь слышали, чтобы представитель власти произнёс

именно это выражение, столь часто поминаемое в киноиндустрии? Я вот не слышал ни разу.

В этот по всем сценариям ответственный момент наполненный водяной взвесью воздух всколыхнулся над асфальтом прямо за спиной Наливайко. Дрогнуло, словно над костром в лесу. Поплыло горячим дыханием, что над твоей рекой в предрассветный час. И ровно в тринадцати шагах за широкой полицейской спиной на дороге появился странный субъект в сопровождении пса. Субъекта оставим на потом. По нему многие списки плакали, а если честно, он ни в одном не значился. Да и пальцы его тосковали отпечатками, ибо их и вовсе не было. Ни фамилии, ни роду, ни племени. Зонт, шляпа да пальто. О них позже и часто.

А вот пёс заслуживал отдельного внимания прежде прежнего. Был он неопишуемой клочковатой породы, ростом и весом напоминающий среднеазиатского «пожалуйста, крепче держите поводок», чёрной свалывшейся шерсти, торчащей на холке по-волчьи али дикобразно. Несоразмерно огромная чёрная же голова была бультерьерно прикручена к лохматому туловищу, а торчащие во все стороны из пасти заточенные иглоподобные зубы были издевательством даже для платной стоматологии.

Дикая характером помесь гигантской крысы и крокодила обладала понятливым человеческим взглядом глубоко посаженных внимательных глаз с грустью в поволоке.

Выше абзацами означенный хозяин пса (а вот и добра-

лись) был очень высокого роста, возрастом явно переваливший за, но чутко не добравшийся до, а может, и вовсе застрявший в вечности. Одет он был в длинное пальто, бывшее, видимо, когда-то чёрным, но от затасканности приобретшее столь любимый временем седой оттенок с запахом нафталинового шкафа. Небрежно накрученный, пыльного цвета шарфик скрывал шею. Стриженую седую голову венчала надвинутая на глаза миссионерская шляпа с прямыми широкими полями такого же забытого в шкафу цвета, как и пальто. Лицо было исхудавшим, с ввалившимися небритыми щеками и напоминало хищную птицу своим длинным острым носом с горбинкой. Прозрачные глаза, не мигая, смотрели на маячивший в туманном горизонте беспорядочно населённый пункт. Память у меня плохая, так что названия его я таки не помню, хоть и пытаюсь честно выскребать сие из памяти уж во второй раз за последние несколько страниц. Город как город. Почта, вокзал, телеграф, улица, фонарь, так себе аптека. А вот глаза, которые в данный перечисленный пейзаж прицелились ныне вполне снайперски, на выдохе, с выпрямленным указательным пальцем на спусковой скобе, заслуживают отдельно набранного буквами куска текста данной прозы.

О снайперстве. Широко во человецех бытует праздное мнение, будто меткость стрельбы целиком и полностью зависит от врождённых качеств офтальмологии али от приобретённой долгими годами тре-

нировок выдержки как минимум в пять звёздо-

Но таки на личном опыте мне посчастливилось убедиться, что данные общественные убеждения, аки и многие другие, оказываются на поверку пустыми бормотаниями поддержки случайно сложившейся беседы во имя бездарного убивания времени, коего, по всему виду, стало слишком до фига. Итак, когда-то, энное количество стрекотания стрелок часов назад, я решительно вступил на территорию стрелкового клуба своего города с целью научиться владеть боевым оружием. Всё, что я знал о нём доселе, было высмотрено в кинолентах, где герои мочили друг друга немилосердно и быстро, едва успевая менять обоймы, с двух рук, из-под боку и с разворота. Короче, цирк да и только!

Кучи трупов и залитая кетчупом съёмочная площадка. Между прочим, давно хотел посоветовать режиссёрам кинобоевиков заключить долгосрочные контракты с крупными компаниями-производителями на поставки кетчупа. Представьте, главный спонсор фильма «Бешеная резня лобзиком в Рязани» – компания «Балтийский кетчуп»! Учитывая, что в последнее время любовь зрителей к сценам насилия, расчленёнки, убиения и прочего подобного фарша не только не угасла, но и растёт, я уверен, что оговорённые цифры в литрах привели бы в трепет даже закупочных менеджеров «макдоналдсов». Извините, отвлёкся. И таки вот, мой первый визит туда ознаменовался выбором оружия по всем канонам киноиндустрии. То есть я выбрал для первого занятия пистолет, хотя бы отдалённо напоминавший мне те, которые я

неоднократно видел в сценах массовых перестрелок в зарубежных фильмах. Им оказался наш родимый МР-446 «Викинг». Оружие убийства весьма серьёзное, калибром солидное, внешне угрожающее донельзя. И мой тренер по стрельбе, зарядив обойму, протянул мне в руку эту «смерть» и сказал: «Стреляй! Всю обойму!» Я, естественно, спросил: «Куда?» На что мне был дан ответ: «Да куда хочешь, только не в мою сторону. В любую мишень. Ты просто должен почувствовать его». Я послушно выпустил все пули в сторону мишени, старательно прицеливаясь так, между прочим, и, конечно, не попал практически ни разу. Всё ушло «в молоко». И только после этого тренер объяснил мне, что меткость стрельбы зависит по большому счёту от правильно выполненной техники. Это постановка рук и ног, распределение напряжения мышц, дыхание, движение пальца на спусковом крючке и тому подобные вещи. Он тщательно всё это показал и взял с меня обещание, что я буду заниматься дома неделю каждый день хотя бы по 40 минут на любом подходящем тренажёре, будь то пневматическая игрушка или травматический пистолет. И назначил мне следующее занятие через восемь дней. Я пришёл в срок, взял в руки «викинг» и с первого раза положил все 17 патронов в пределах от «десятки» до «семёрки». Глаза оказались вовсе ни при чём. Как и во всех подобных случаях жизни нашей обетованной, в смысле бытовушной напрочь. Хочешь стать мастером в чём-то – отмети явное, что перед носом, и займись сопут-

ствующими мелочами, которые прячутся по углам. Понятно загнул к концу?

Как часто оптические органы человека говорят нам о многом! И я не о симптоматике нынче, и не о диагностике офтальмологических заболеваний. Прожив на этой планете чуть больше сорока зим, лично я убедился в схожести основных черт характера людей с одинаковым цветом и выражением глаз. Видали, блин? Я тоже кое на что гожусь. Я ж говорил, на мелочи смутные смотрим, отмечая внятное. Конечно, мои наблюдения и мой опыт могут оказаться ошибочными, но я таки осмелюсь ими поделиться с тобой, дорогой читатель, к тому же у тебя нет выбора, если уж решил читать до конца. Бросать-то жалко, знаю. А в конце этой делёжки я и вовсе расскажу тебе занятную историю, которая меня многому научила, из-за которой я и стал впоследствии способен хотя бы на что-то со знаком «ГОСТ» на слегка заплывшем жиром боку.

К примеру, люди с карими глазами. Они позитивно хитры и применительно к быту предприимчивы. У них гибкий, змеиный характер и ветвящийся деревьями ум. С таким и водки попить у костра приятно. Будет пытаться поддержать разговор односложными утвердительными кивками и многозначительными междометиями, даже если не имеет понимания в обсуждаемом предмете. Фыркает носом, ничего толком не говорит, изредка поддакивает и по сути вопроса мол-

чит. Но зато как слушает! Словно весенний кустарник, который не выкорчевать никакими силами, пробивают они себе дорогу. Всё выше, и выше, и выше, как постоянно нам завещают разные вожди. Среди заботливо усаженной всевозможными бабушками клубнички, редисочки, капустки и прочей хряпы огородной они тянут свои листики к солнцу. Они хорошо знают где, что, откуда. Интернет у них работает лучше, что ли? Курс валюты, дешёвая бензоколонка в третьем квартале дальнего района, размеры носков и бюста второй любовницы шефа, кто забил гол в очередном финале нескончаемого тысячелетнего бегства за мячом. По крайней мере, от необходимости и в зависимости от возникающих по жизни проблем. Есть чё? А надо чё? Везде найдут нору для кролика и способ открыть банку. Они отлично приспособлены к социальной жизни в обществе, тонко нарезая на ломтики частности. Но, как и положено, имеют обратные стороны своих грамот и медалей, и таки было бы шо вешать на стенку в маминой комнате. Кареглазые представители двуногих млекопитающих не так уж и надёжны в плане человеческих взаимоотношений, ибо от них можно ожидать чего угодно. Пять шабатов на неделе, и все вразнобой. И ва-а-а-аще, очки протри, забирай свои шахматы, и таки не танкист ты ни разу, а потому ошиблась я, сердце разбито, и три сообщения на сайте знакомств уже ждут. Если только на поводок не посадишь.

Сие никак нельзя сказать о людях с ярко-синими глазами, которые непробиваемы, словно бронезилет иностранно-

го производства, в таких понятиях, как верность выбранному пути, честь офицера, присяга батьке прапору, и главной чертой характера которых является устойчивость на скользкой палубе житейских передряг. Она проявляется как в отношениях между людьми (более преданных друзей и партнеров не сыскать, если только сумеешь на заданной планке повиснуть), так и в жизненных делах. Коли пятёрку занял – отдаст последними трусами. Если синеглазые вбили себе что-то в голову, то остановить их или сбить с дороги крайне проблематично. Руки отмахиваешь! Пехотные растяжки их сторонятся. Заборы не удерживают. Дробовик с заряженной йодированной солью не аргумент. Эти же черты характера имеют свои тёмные мутные стороны, такие как очарованную фанатичность, зашоренность амбразурных взглядов, бычье упрямство. И суп молочный я хлюпать не буду, хоть неделю конфет не давай. И дружить буду с Борькой Косоглазым. И котёнка этого я нашёл, так что жить будет в моей комнате! Я сказал!

Встречаются на нашей круглой планете (по части округлости её я в сомнениях мутных и по сей день, но об этом как-нибудь в другой раз под чай с бубликами) и люди с жёлтыми, как солнце, глазами. Они коммуникабельны (интересно, это слово произошло от коммуналок или всё-таки от кабеля?), чутки и проницательны к ситуациям казусным. К другим людям внимательны шпионской отточенной природой, видя их насквозь без помощи дяденьки Рентгена. Сыворотка прав-

ды объявляется обычным кефиром. Как правило, такие люди берут других под крыло самым ненавязчивым образом, становясь незримым ангелом-хранителем, который всегда рядом, но не высовывается поперёк батьки в мангал со свиной. Накормят, спать уложат, сказку расскажут, за аспирином в аптеку сбегают, заныкают у себя то, чему лежать нигде не положено. Но, как всегда, в бочке мёда кроется и добрая столовая ложка касторки, ибо они же несобранны, рассеянны и зачастую не имеют чётко осознаваемой личной цели в жизни. Куда хочу? Куда лечу? Чё ныкать?

Данный начальный курс для молодого психиатра можно продолжать и дальше, но мы с тобой, дружище, хотели узнать о тех странных глазах, которые глянули на нас с тобой из-под широкополой шляпы таинственного незнакомца, одетого аутентично, но в самый раз по погоде. Именно о них я расскажу краткую историю из своей собственной жизни последнего воплощения кряду. Ещё не утомил? Расслабься, сюжет движется, герои все на позициях, лента с патронами уже раскручивается.

Я нечасто встречал их, людей с прозрачными ледяными глазами. А близко общался и того реже. Да и не всегда комфортно было, по правде говоря. Знаете, так бывает, что нравится, но чем реже – тем лучше. Первым ярко проявившимся в моей жизни хозяином этой оптической редкости стал человек, которого звали Александр «Гопник». В итоге своей

жизни он хотел реализовать идею создания конкурирующей политической партии, которую именовал не абы как бы, а, на минуточку, «Конфедерация Гоблинии». За что вскоре в кругу знакомых сменил своё имя и кличку на Гоблин. Героя мультфильма «Шрек» тогда ещё никто не знал. И вообще о гоблинах практически никто ничего не знал. Не до того было. Все строили коммунизм, а это дело сложное, долгосрочное и утопичное. Не до чудищ лесных.

Именно Саша Гоблин был владельцем этих прозрачных таинственных глаз. И тут нужно поставить каракулю на полях, что речь идёт не о всем известных голубых радужках, которые столь часто встречаются в Восточной Европе и зачастую приписываются то арийской, то иудейской стороне в равной степени вкупе с жеманными гламурными мальчиками или просто делают случайно встреченную девушку очаровательной, пока ты окончательно не протрезвел. Нет-нет. Ничего очаровательного в глазах Саши не было. Они не были небесным отражением стратосферной синевы, мечтой юных космонавтов. Зудело в селезёнках такое впечатление, что на тебя смотрит рыба. Радужная оболочка была прозрачна и нечитаема, словно банка с водой разлива колодца бабы Вали, которая не чистила его со времён первого своего поцелуя на дискотеке. Ну да пёс с ней, с бабкою-то, у неё уже всё сзади. Доклад, поди, об Александре имеет место быть.

Когда Саша говорил с кем-то, очень трудно было смотреть ему в лицо. Вы когда-нибудь пытались кокетливо подмиг-

нуть нападающей на вас гадюке? Стоит попробовать. «Ути моё солнышко, как мы хвостиком крутим». Незабываемо. Шучу. Было стойкое ощущение, что змея смотрит либо мимо тебя, либо сквозь, но в то же время прожигает взглядом, как если бы швея безучастно втыкала спицу в клубок шерсти. Выражением этих окуляров были безжалостность и холод, даже когда Саша Гоблин радовался и смеялся. Будто бы глаза жили отдельно от него своей жизнью, и казалось порой, что это и вовсе не всем очевидные человеческие органы зрения, но некий оптический прицел, через который на тебя издали смотрит какое-то чудовище в начищенных сапогах штурмбаннфюрера. И встречаться с этим чудаком напрямую ну вовсе не хочется, как ни один человек не имеет особого желания лечь на операционный стол под нож похмельного хирурга с сомнительными политическими взглядами. Сестра-а-а! Скальпель! А впрочем, давайте просто спирт! Выпьем да полоснём за упокой брата нашего очумевшего с горы.

При близком знакомстве с Сашей и вовсе было очевидно, что пропиской он из другого мира, находящегося от нас буквально не рядом, парсеках минимум в ста. И не столь съехавшее с катушек существо перед вами представало, как вы могли бы подумать. Гоблин словно возвышался над этим миром, жил параллельной жизнью, случайно оказавшись в нашей реальности. Калиткой ошибся. Не в тот автобус сел. Адрес запомнил. В зеркала не смотрел. Ботинки считал укорочен-

ной моделью лыж. Трамвайный билет вызывал у него недоумение, люди – смех. Из-за расхождений во мнениях с обществом по вопросам адекватной бытовой тянучки лямочной Саша быстро заинтересовался эзотерикой, по большей части её химическими аспектами. Наркотики – это очень опасно, товарищи. Это я к месту и удачно вставил. Верно, родители? А вскоре Гоблин всерьёз увлёкся буддизмом. Но если другому человеку было бы достаточно собственного развития интеллекта и понималки торжествующей, то Саша, как минимум, хотел изменить весь этот двуногий мир, раз уж тут оказался проездом. Все вопросы он решал радикально, идя на всё, часто не задумываясь, как последствия данных действий могли сказаться на нём самом. С окружающими церемонились ещё реже. Врачи не скучали. Милиция пребывала на латентном стрёме. Соседи позабыли сон.

Его идеи и дела говорят за него, с укоризненно поднятой бровью и грозя пальчиком. Глядя на несостоятельность правящей в нашей стране политической партии (на дворе был 1991 год, на троне Советского Союза сидел какой-то очередной бригадир стройки или агроном), Саша Гоблин недолго думая всерьёз решил основать, возглавить и привести к реальной власти совершенно иное. А именно вышеозначенную «Конфедерацию Гоблинии», платформой которой являлись философия буддизма, духовное развитие и самопознание всеми доступными способами. Через тернии к звёздам, а если не получится, то хотя бы до Юпитера дотянуть, там

видно будет.

В программу педагогического направления по работе с молодёжью были включены основные предметы царских лицеев и гимназий, владение единоборствами, классические танцы, медитация, изучение тибетских традиций достижения сверхчеловеческих возможностей. Думаю, Гиммлер рукоплескал бы стоя (если ты не знаешь этой фамилии, значит, наши дедушки не напрасно сражались). Далай-лама с удивлением отметил бы на карте красным флажком появление внезапно вскочившего прыща на теле Учения в виде средне-русского филиала с радикальным уклоном. Советская психиатрия готовила свежие простыни. Удел гениев – «одиночка», во всём многообразии её потенциальной фэн-шуйности. Распишитесь вот здесь. И на всякий случай сразу выпейте это, а то кто его знает. Пейте, дорогуша, не очкуйте, мы сто раз так делали.

Когда я получил от Саши приглашение о вступлении в его партию, то, будучи его другом, конечно, решил его поддержать. Да и буддизм мне был не чужд уже тогда. А уж идея оздоровить население советское и превратить его в русский народ мне грела душу, как всякому обрусевшему вконец еврею с немецким укладом души. И дело не в будорожи относительно несправедливости судьбы государственной, а в чистом вдохновении эксперимента ради духовных достижений. И вот что я увидел, придя по названному адресу официального офиса. В центре практически пустой комнаты стоял

огромный стол, чутко напоминавший о некоем грузине с добротной трубкой под густыми усами. И звать того грузина во все не Вахтанг Кикабидзе. Да и пел он так себе, и славу снискал отнюдь не вокальными данными. На столе лежала пухлая тетрадь, в которую Саша записывал будущих членов партии. Строго по описи. Оружие и погоны выдать в случае непредвиденных результатов светлого ожидаемого будущего. История знает. История помнит. Историю тошнит. На стене позади стола по обе стороны висели флаги, чёрные длинные полотнища с профессионально отпечатанными на них белыми многогранными свастиками. Руководитель «гоблинов всея Руси» связывал этот символ исключительно с восточной философией. Там, в басурмании монгольских нибелунгов с кружкой варяжского эля наперевес, сие изображение обозначало танго духа человеческого. Некоторые непрофессионально подсматривающие и подслушивающие народы пограничных территорий тем же символом огульно окрестили звезду по имени Солнце. И, кстати, современные учёные и вовсе высказали мысль, что данный символ обозначал всего лишь направление вращения спускаемой воды в отдельно взятой раковине али тазу, кое меняется в зависимости от вашего местоположения относительно экватора Земли. То бишь сие служило исправно многие века напомианием водопроводчикам всея планеты по вопросу «где я, твою мать?». Александр, он же Гоблин, и мысли не допускал, что кто-то будет ассоциировать этот знак с фашистской Герма-

нией, хотя, на мой взгляд, сие было столь очевидно, что меня тряхнуло от пяток до ушей, когда я впервые переступил порог данного «кабинета». Нечто, видать, по карме вспомнилось, но решило не восставать из глубин на поверхность ясного понимания. А за столом, в кожу чью-то обтянутом, на стуле с чёрной клеёнчатой спинкой восседал сам Сашенька и в упор смотрел на тебя своими прозрачными глазами. Его лицо сильно напоминало того самого незнакомца на дороге, который был описан мной в начале книги. Вы ещё не забыли о нём? Ну, тот, который во всём из шкафа одет был, помните ещё? Вытянутое худое лицо, тонкий, с горбинкой, длинный нос, высокий лоб. Ага, вижу, вспомнили. А я вот о чём: всё это делало предводителя гоблинов более похожим на хладнокровного партайгеноссе, чем на благого вестника просветления всей Земли. Ом шанти! Аминь! Что означает – так и должно было случиться по-любому, расслабься!

Когда Саше показалось мало политической арены, он решил пойти в атаку с другой стороны, таки заставить весь мир вокруг одуматься и сбросить с пьедестала золотого тельца. Речь шла о применении психотропного препарата, нежно именуемого «ангельская пыль», который был разработан военными ещё в развесёлые хиппанские годы в сильно к тому времени зарубежных странах. Вещество это поначалу пытались применять как всем известную «сыворотку правды», после – как анестезию при операциях, но вскоре обнаружили её иные интересные свойства. А когда меня отпустит-то?

А именно то, что сие соединение являлось допингом для человеческого разума, открывая в человеке новые возможности восприятия, расширяя диапазон на все четыре. Глазки заблестели. Ручки потёрлись друг о дружку. Светлое будущее замаячило и воссияло. И Саша решил это вещество в серьёзном недетском количестве спустить в городской водопровод, надеясь на массовое изменение сознания одуревшего от 70-летнего гнёта народа. А в городе том проживало на тот момент порядка пяти миллионов человек и им подобных по ближайшим физиологическим признакам.

В конце концов его поймали и посадили в тюрьму «Матросская тишина» города Москвы. А ведь эту песню не задушишь, не убьёшь. Настоящий гений и вовсе расцветает безудержной фантазией, как правило сидя за решёткой в темнице сырой, вскормлённый в неволе баландой из шлёмки. Блюстителю порядка не знали, с кем имеют дело. А с чем — тем более. Наркоконтроль в те времена лишь пытался преодолеть первый уровень своего примитивного развития, а потому вовсе не шарил относительно данного химического соединения. Гоблин умудрился не только достать это вещество, не выходя из тюремных стен, но и накормил им всех сокамерников. Рот-рот-рот! Вот так! Глотаем! А их было порядка двадцати отборных уголовников или того более. Каково же было изумление ничего не подозревавших охранников, когда они воочию увидели результат. И да воссияла им правда жестокая, глаголящая скандально о прямой химиче-

ской зависимости так называемой свободы воли от канцерогенов пищевых. Наглядная рекламная акция «Конфедерации Гоблинии» стукнула им очевидным резюме по голове. Вчерашние воры, грабители и бандиты несколько недель ходили по камере кругами, читая тибетские мантры, восседали на шконках в глубокой медитации, а вечерами дружно пели «Хари Кришна!», кружась в славянском хороводе, сотрясая стены «Матросской тишины» своим радостным киртаном. И посреди всего этого внезапного просветления, расписанный татуировками во круголя всех телесов, бил крыльями в радости Саша Гоблин, истово возвещая округ себя скорое пришествие Света и Любви во всея народах этой тщедушной планеты. Ом шанти, помнишь? В смысле кочумай, всё путём!

Саша Гоблин умер возле тридцати прожитых зим. Я думаю, что человеческое тело и мозг просто не могли долго выносить присутствие в своей утробе пробуждённой оголтелости такого диаметра. Или просто Бог смилостивился над Сашей и отпустил его таки отсюда. А то хлопот не оберёшься. Наверху и так тесно, на всех пентхаусов не хватит. В любом случае, он стал для меня одним из первых Учителей и чётко дал мне понять, что такое самоотверженность во имя Дхармы. И диагностика с анамнезом мне тоже воссияли в ночи непроглядного моего разума, что значит неуклонность и неустрашимость на тропе воинской к выбранной цели петляющей. Что означает жить «впереди планеты всей». Что сра-

зу завязывает на твоих руках длинные полотенца общества. И как говорит один мой знакомый музыкант: «Идея хорошая, но немножко неровненько!» Методы Гоблина были не совсем адекватны двадцатому столетнему отрезку от Рождества Христова, по-детски наивны и просты, ребячески забавны. А что вы хотели от гения с детской душой, которым, по сути, Саша и был? Смех и радость мы приносим людям. И только площадные костры сменяются «двушкой» галопери-дола.

Вторым человеком с прозрачным взглядом, с которым меня свела судьба, стал Костя Кишкурно. Он отсидел в тюрьме два срока общим знаменателем, приближающимся к десяти годам, причём второй срок за непреднамеренное убийство собственной жены, которую в процессе бытового скандала хотел напугать травматическим пистолетом. Пистолет в целом такая вещь, что нет-нет да и стрельнёт. Держать пистолет нужно нежно. Мягко вложить в правую руку, как любимую женщину в постель. Средним и безымянным пальцем поджать снизу рамку спускового крючка. Большой палец педагогически ложится под затвор. И всю эту конструкцию нужно со всей любовью вложить в мягкое ложе левой руки. Нижняя подушечка правой ладони утопает в ямке над подушечкой левой. Пальцы левой руки закрывают костяшки правой. Большой левый палец прижимает своего правого собрата. Снимаем предохранитель теми же большими паль-

цами. Вводим курок. Вытянули руки вперёд. Развели в стороны локти до упора, образовав руками ромб. Первое правило: правая рука с вложенным пистолетом расслаблена, а левая крепко сжимает всё построение. Выдохнули до конца. И теперь второе, главное правило: не нажимаем спусковой крючок, а плавно ведём его назад, словно никакого выстрела и не будет. Без ожидания. Без ускорений. Без рывков. Ой! Я что, выстрелил? Попал? Да, мой хороший, ты попал. Во что? Теперь уже не важно. Сестра-а-а! Спирту! И да выпьем же за упокой брата нашего... Жена вспылила, пытаясь отобрать оружие, и Костя, дёрнувшись в ответ, случайно таки нажал на спусковой крючок. Третье правило: если не решил наверняка произвести выстрел – убери палец со спускового крючка и положи его на рамку спуска. Пуля прошла мимо женского уха, но совсем чуть-чуть задела кожу по касательной. Из-за этого, мгновенно изменив траекторию своего полёта, она вошла в шею и пробила артерию. Жена умерла у Кости на руках. Итог – семь лет режимного питания и прогулок вдоль колючей проволоки. Передачи носить ему было некому. А вот времени Господь предоставил с лихвой на раздумья, философские рассуждения и медитацию по всем правилам дзогчена, самого жёсткого направления школы тибетского буддизма.

Многие догадываются, что пути Господни неисповедимы. Или хотя бы читали о том. Я не знал Костю до неожиданных его тюремных заключений. Но когда довелось познакомиться с

ним после освобождения, мне предстало чудо. Более праведного и открытого сердцем человека современник наш, поди, и не встречал в жизни. Костя явился реальным воплощением всего того, о чём я неоднократно читал в Евангелии. Не мочи ближнего своего, отвали от чужого барахла, не тяни корявки к случайной крале – ну да вы всё это читали в подростковом возрасте, я уверен. И хотя, в отличие от Саша Гоблина, вряд ли Константин читал и изучал какие-либо Святые Писания, но его сердце преисполнилось тем самым Светом, который сделал его совершенно отстранённым от земной жизни человеком высокой культуры быта и души. И что самое казусное, лицо его весьма сильно напоминало Сашу Гоблина, только при этом носило ещё и некий волчий отпечаток трагизма, которым неслышно благоухают в библиотеках все великие произведения Достоевского, Гессе и Мойше Цаппельшмайлера. Впрочем, о последнем ни слова. К тому же он был таким же худым и жилистым, как и Саша. Не Цаппельшмайлер, а Костя. Ни тебе мускулов, ни тебе устрашающей массы. И те же самые прозрачные, как вода в полынье, глаза.

Однажды я увидел со стороны, как описуемый мною тут же рыбий взгляд действует на людей. История была банальной, я бы даже сказал, бытовой. Мы ехали с Костей в неизвестном направлении на его микроавтобусе по северной русской столице, святому граду Петра, который потомки различных Шариковых с их любовью к номенклатурным аббревиатурам привычно называют фабричным определением «СПб». За-

ехали на автостоянку возле некоего офисного здания. Дело было примерно в 1999 году, когда ещё было принято нанимать на охрану устрашающего вида, накачанных мускулами в виду психологических комплексов мужиков. Усечённость лба, выпяченная вперёд нижняя челюсть питекантропа, урезанность шеи, отсутствие чувства юмора и воображения. В целом, на этих парнях Бог явно сэкономил. Интересно, на что пошёл откат?

Вышеуказанный типичный представитель данной профессии подошёл к нам в военном камуфляже с надписью «ОМОН» на спине (хотя я уверен, что к ОМОНу он не имел ни малейшего отношения, равно как и к троюродной сестре поминаемого нами выше Мойше Цаппельшмайлера, но таки я обещал о нём немного молчать). Терминатор всея Совка преградил нам дорогу. Костя предупредительно опустил стекло. Охранник бегло и надменно взглянул в темноту кабины и властно рявкнул: «Поставишь машину вон туда и чтоб ненадолго!» Пальцем он небрежно указал куда-то вдаль, в темноту стоянки, и тут же пошёл восвояси, повернувшись к нам спиной. Костя медленно дал газу, подъехал к нему снова и, опустив стекло пониже, высунулся из кабины. Результат Божьей экономии недовольно обернулся. И тут Костя наклонился над его лицом и чуть слышно, медленно, без какой-либо угрозы сказал: «Я поставлю машину туда, куда мне будет нужно!» И замолчал, глядя на раздутый гантелями биоматериал бытия. Изрекающий всуе «ты чё, бля»

ныне же попятился на шаг. Его лицо приобрело выражение застуканного мамой за тасканием конфет «Мишка на севере» малыша, и он еле промямлил «К-к-к-конечно, к-к-карашо, брат». Мы тронулись с места в сторону стоянки, а результат экономичности бытия Господом нашим остался стоять в ступоре с жалким выражением морды лица.

Мораль косвенная здесь же. Граждане! И да было вам указано громогласно и повторено не трижды ни разу, шо таки надо быть вам во всём уподобленными Господу Богу нашему, но я вам всё-таки совет дам, и вот суть его, явленная вкратце: экономика – это, товарищи, «жадина-говядина-пустая-шоколадина». Потому не жалеите в чай заварки. И сахарку сыпьте от души во жисть сладкую! Сыпьте, голубчик, сыпьте! Не тряситесь ложкой, я вас умоляю, и таки больше рассыплете!

И вот эти бесцветные глаза сейчас смотрели на город из-под полей древней затасканной шляпы, прямо из-за спины не в меру сострадательного к своим сотоварищам постового Наливайко В. В. Их владелец чуть прихрамывал на левую ногу, опираясь на сложенный зонт серого цвета с длинной рукоятью и таким же длинным железным наконечником. Причудливые старинные ботинки неслышно ступали, обходя лужи, и виляли шнурками. В контрапункт сему отточенные когти здорового чёрного пса, который бежал рядом с незнакомцем, цокали по асфальту. Служивый, услышав это

экономленным музыкальным слухом (ох уж мне эта экономика), завертел головой, но ничего не увидел и снова установился на проступающие вдалеке многоэтажки, опершись о полосатую балку, преграждающую путь автотранспорту. Он так и не увидел, как странник с собакой, поравнявшись с постом ГАИ, не сбавляя шага, прошли прямо сквозь шлагбаум, словно он был голограммой, а не тридцатью килограммами добытого в норильской стуже железа, и зашагали к городу перед самым носом Наливайко, удаляясь, исчезая в утренней мороси. Минуточку. Лишь пёс обернулся шагах уже в десяти на промокшего и замёрзшего В. В. Сузив глаза, он тихо зарычал. Слуга закона встрепенулся и пуще прежнего взгляделся перед собой в пустую дорогу. Но ничего так и не увидел, а только проверил рукой кобуру с пистолетом на поясе и полузябко-полуиспуганно напрягся.

– Тихо, Зверь! – властно и тихо процедил сквозь тонкие губы странник.

Пёс отвернулся и затрусил поближе к ногам своего странного хозяина. Бетонные муравейники в предрассветной мути подмигивали выдолбленными в них бойницами с люстрами и фикусами. Закипала жизнь. Шипел душ. Кастрюльки со вчерашними щами нехотя выползали из холодильников. Кофе бежал. Люди щекотали зубы щёточками, перетаптываясь на линолеуме войлоком. На отрывном календаре ясно был означен то ли вторник, то ли затяжная со среды на пятницу. Начинался новый день.

Первая. Конец

Я в размышлении, что именно так должна начинаться история о конце света. С появления некоего «да кто его знает, кто это» на неизвестной дороге. И учитывая, что мы живём в полицейском государстве, конечно же, первым, кому полагается его встретить по своей карме, должен быть представитель данной структуры власти. Но в истине мир настолько сложен, разнообразен и многомерен, этих концов света столь много и они представлены во всей красе Вселенной в такой разношёрстности, что их ни сосчитать, ни обозначить ну нет никакой возможности. И да на каждого свой конец света таки найдётся, коли начало случилось. Если есть выключатель, он по определению работает в обе стороны. А можно и штепсель из розетки рвануть, коли заклинило. Одна знакомая бабуся на моей памяти так постоянно выключала компьютер внушка. Как утюг. Интересно, у нашей Вселенной есть штепсель? А Вселенная похожа на утюг? Извините.

Один мой приятель, тоскливо мнуший свой летний школьный отпуск за покосившимся забором пионерского лагеря «Дружба», что и по сей день дряхлеет и осыпается в посёлке Вырица под новой вывеской «Электрон», очень любил рассуждать на тему о бренности нашего бытия. И если бы он попался в руки советской психиатрии, то наверняка схлопотал бы в медкарту диагноз «маниакально-депрессив-

ный психоз» с автографом заведующего отделением в завитушках. Но судьба пронесла его мимо рубашек с длинными рукавами и поручила в мои предупредительные уши. А мне оттопырить их да во всея интересные истории – не оттащить было и за овсяную печенюшку. И вот этот самый приятель однажды наловил в банку муравьёв из ближайшего муравейника да и поставил банку дном вверх прямо возле дороги, что шла по кромке леса от хозворот до столовки, где подавали к полднику дивные ватрушки с напрочь экономической каплей сомнительного повидла. Отступив от стеклянной тары надлежащие в театре пару изящных шагов и воздев к небу указательный палец, мой психологический ненадёжный приятель важно изрёк:

– Вот так и мы, Илюха!

– Э-э-э. У меня только две ноги. У них восемь. Не вижу логики.

– Живём в банке рядом с лесом. Тыркаемся вдоль стеклянных стенок, возимся тут себе со своим разбавленным пивом и девчонками, потом с женой и детьми, потом в огородах своих с рыбалками в придачу да и помираем из конца в конец в недоумениях с сожалениями. И закапывают нас тут же в банке. А рядом, за стеной – огромный лес, и в нём полно всего. И мухоморы пятнистые. И гусеницы бугристые. И букашки ползучие. И птички летучие. И мышки, и норушки. И таких же муравьёв, как мы, – полно и без счёту. И ещё много всякой всячины разумеющей.

– Ну, если бы так было, мы бы попытались с этой банкой что-нибудь сделать.

– Первое поколение, которое помнит лес, из которого я их насильно вытащил, – да. Оно обязательно попробует. Только ни силушек, ни соображалки им не хватит, чтоб банку мировую вселенскую сдвинуть вот так запросто, с ходу. Следующее поколение уже меньше станет дёргаться, ибо у первых не получилось. Это как с девочками, понимаешь? Сразу не дала, дык за вторым разом уже азарту убавляется, а на третью попытку и вовсе хотелки может не хватить. А четвёртое или пятое муравьиное поколение и вовсе бы уж решило, что такое существование в банке – это и есть нормально, и так оно и должно быть. И придумали бы себе такого бога, который эту банку сделал специально для них. И про тьму внешнюю что-нибудь наплели бы кошмарного, чтоб оголтелые даже и не пытались за стенки ломиться. Десятое поколение уже и про лес ничего не знало бы, и молились бы богу своему про свои бануличьи проблемки, и благодарили бы его, что он их уберёт от ужаса лесного стеклянными стенками.

– По-моему, ты перегибаешь. Кстати, насчёт третьей попытки...

Приятель сочувственно на меня посмотрел, вздохнул и, сбавив громкость, сказал:

– Ладно, пойдём. Сам потом поймёшь, если в столовке раньше не отравишься.

И он пошёл восвояси, оставив банку на обочине. Я под-

нялся с корточек и направился за ним добыть чего-нибудь вкусного в столовке. Проблемы бытия – это, конечно, важно и существенно, но таки питание никто не отменял, верно?

Этой же ночью его слова странным образом всплыли в моей голове и не давали мне уснуть. Я лежал и размышлял над ними, пытаюсь своим тринадцатилетним разумом осознать их в масштабах человечества. И порой под стрекотание кузнечиков мне казалось, что я понимаю их смысл, и тогда мне становилось очень страшно и тоскливо. И за кузнечиков становилось очень жалостливо. Всё-таки там, за окном, очень темно. И полно опасностей. Ё-моё! Ой ё-моё! Как же мы все одиноки в космосе! И предстал мне тут же Гагарин в жути одиночной, парящий над бездною непроглядной, без надежды на внезапную встречу с любовью большой и светлой. Отчаяние нападало на меня со страшной силой, и я гнал от себя эти мысли. В конечном счёте я вспомнил, что мы так и оставили банку с муравьями стоять вкопанной на дороге, и решил спасти хотя бы их локальный мир, приняв на себя роль Спасителя. Едва дождавшись утра, я побежал к дороге. И увидел ужасное зрелище. Грузовик, обслуживающий пионерлагерь, видать, объезжал большую лужу на дороге и проехал по обочине. Банка была не просто разбита. Она была раздавлена в крошево, и в этом крошеве смешались осколки стекла и мёртвые тельца десятков муравьёв.

– Вот чёрт! – только и смог вымолвить я.

– Конец света, – раздался голос сзади, и, обернувшись, я

увидел своего приятеля.

– Ты убил их, – с грустью и злостью одновременно бросил я ему.

– Нет, не я, Илюха. Судьба убила их.

– Ты засадил их в эту проклятую банку.

– Но не я сидел за рулём той машины, что раздавила их.

Просто так сложились обстоятельства. Так сложилась судьба.

– А что такое эта твоя судьба?

– Судьба – это оказаться в нужное время в нужном месте.

Или, наоборот, в ненужных. А может, и вовсе не оказаться. Ведь судьба – это то, что существует на самом деле, а не мается в памяти или кажется в воображении. Поэтому лучше в жизни научиться заранее избегать тех мест и того времени, которые могут тебя завести невесть куда. Нехрен строить муравейники в пионерлагере рядом с дорогой, короче! И нечего тут нюни распускать. Никаких третьих попыток, сечёшь? Будешь бублик?

Он отвернулся и ушёл. Через много лет он станет физиком и будет искать способы устроить нам всем конец света поинтересней. Муравьи же так и не узнали имени того, кто их поймал и посадил в банку. Имени того водителя, который раздавил их всех в одночасье своим грузовиком, они тоже не узнали. Их догадки о том, кто построил стеклянные стены, были неверны. Смысл самого заточения и последующего жестокого уничтожения всего их рода остался для них неведом

до самого конца. Что ж, как видите, муравьи не сильно отличаются от людей. Вся их теософия не стоила и выеденного яйца. Мойше Цапфельшмайлер сказал бы по этому поводу. Но слов сих мудрых вам лучше не слышать. Вам ещё жить да жить. Так я столкнулся с судьбой и увидел впервые в своей жизни конец света.

Дважды два. Чушь и Чумка

В некотором царстве, в некотором государстве случился инцидент. Витиевато сложилась часто и всуе поминаемая нами в этой прозаической книге карма, которая в Нижнем Тагиле именуется резко и без шуток – судьба. И таки появилась на свет ещё одна героиня нашей повести в непримечательном городе на краю России-матушки, что дремал на берегу так себе пахнувшей реки, окружённый леспромхозами и складами стройматериалов. Родители её были инженерами на местном заводе, который, как водится на земле Русской, производил чего-то там и много всякой всячины, начиная с урана, заканчивая поварёшками с черпачками и деталями к недавно появившимся у нас в небе заморским самолётам «Боинг» (ну не за границей же их заказывать, ей-богу, у нас у самих гайки девать некуда). Немногочисленные оставшиеся в городе алкоголики, действительные и латентные, трудились на благо басурманской прославленной авиации, не забывая закусывать чем придётся, и несли честные две трети зарплаты своим жёнам, которым и ходить-то в городе было особо некуда, разве что до магазина за колбасой и обратно. Телесериалы о бразильских смуглых красавицах скрашивали вечера населения этого посёлка городского типа и спасали от маниакально-депрессивного психоза вследствие бессмысленности проходящей скоренько в очередях жизни. Кнопку

нажал, и на тебе: «Ази-гударэнгэ-умгази-гунда...» Осмысленность наступала в редкие моменты и заключалась в некое подобие:

– Да что за ёп твою мать!

– Бля, не говори, Саныч!

Так и жили.

И вот в такой «банке с муравьями» с беспокойно ожидаемым концом света неожиданно для себя самой родилась Соня.

– Да что за ёп твою мать!

Пелёнки. Подгузники. Погремушки. На «п» хватит. Ясли (про ёп и неизвестную маму мы уже упоминали). Всё это было терпимо. И пролетело быстро и бессознательно, оставшись в отшибленном с помощью детства беспамятстве. Хотя разве можно забыть эти обшарпанные стены роддомов, осыпающиеся штукатуркой? А застиранные и полинявшие халаты медсестёр с угрожающего размера задницей и слоновьи ногами? А линолеумные полы с отсутствующими клеточками? А эмалированные кружечки с таблетками? Благоухание хлорки от туалета до столовой?

Первой жилплощадью Сони оказалась вполне себе обычная коммуналка с длинным коридором и четырьмя соседскими семьями. Точнее, семейный уклад был общей мечтой поселенцев квартиры. Ибо сосед справа, алкоголик Казимир,

хоть и обладал золотыми руками, будучи способен на любые художественные или полезные в быту деревянные изделия, пил страшно, до беспамятства. С водкой в те времена было напряжённо, поэтому Казимир покупал политуру (жидкость для мытья стёкол, сервантов и прочей жилищной мишуры), наливал её в аккуратно свинченный с потолка плафон, долго болтал и мутузил, а затем сцеживал через марлю в банку. И пил. Эх, какие песни гремели по жилплощади в эти весёлые деньки! Сам Казимир был космат редкими седеющими волосами, одет в незыблемую осеревшую в хрене и луковой шелухе майку-алкоголичку и в синюшные треники с оттянутыми коленками. Его босые ноги с нестриженными жёлтыми ногтями утопали в войлочных тапках не по размеру. Сам он был добр, отзывчив, тих и безмерно опечален фатальностью жизни в глобальном смысле. Мог вспылить в ответ на замечания соседей о несоответственном советскому народу стиле жизни, рывкнуть что-нибудь вроде:

– А завали-ка пасть, дура шрамная, а то не приведи господь!

Соседкой слева была одинокая тётка лет пятидесяти, которая коротала свой век с журналами «Мода», швейной машинкой и патефоном. И был у неё невесть откуда взявшийся попугай ара. Большой сине-зелёный заморский «орёл» с хорошей памятью и способностью не только понимать человеческую речь, но и говорить порядка десяти-пятнадцати фраз. Никто его особо этому не учил. Но, видимо, сама атмосфе-

ра коммуналки на него подействовала крайне каталитически (я надеюсь, что это слово имеет прямое отношение к понятию «катализатор»), и его вербальное искусство развилось до вполне отчётливых тезисов. Иногда соседка шла в общую огромную кухню мыть попугая, и на это сбегалась посмотреть вся квартира. Попугай выхаживал по широкому подоконнику, а хозяйка чуть издалека поливала его из бутылки через пробку с наделанными в ней дырочками. Эти бутылки использовали в советские времена для орошения белья при глажке. Попугай, имя которому было Аркаша, ходил туда-сюда, важно расставляя лапы, и периодически замечал:

– Кар-рашо! Кар-рашо! Арр-каша кар-рашо!

Но когда однажды соседка сгребла его в охапку и сунула под кран помыть лапы, он довольно больно клюнул её в пальцы и заорал «Дур-р-ра!», к всеобщему веселью квартиры.

Другие соседи по квартире были порядком и числом симбиотичны первым описанным, так что опустим сие в долгие архивы. Соня хорошо запомнила кровать с возвышающимися вокруг неё деревянными столбами (которые на самом деле были обычными заградительными рейками в детской кроватке) и огромную синюю птицу, которая сидела высоко на краю кровати и подолгу смотрела на неё оттуда изучающим взглядом. Спустя пару лет попугай Аркаша неожиданно стал её учителем по развитию речи. Соня по полчаса сидела перед огромной попугайчьей клеткой, которую своими руками смастерил для соседки Казимир, и упорно повторяла своё

имя, в ответ на что попугай вторил своё. Так они и сидели подолгу:

– Со-о-оня!

– Аррр-каша!

– Со-о-о-оня!

– Аррр-каша!

Но однажды наступил день, когда адские врата раскрыли свои объятия, и Соне пришла пора идти в школу. Едва она вступила в солнечный школьный двор первого сентября, как радость, и так не особо гостившая в её внутреннем мире, во все свернулась бубликом, очерствела тут же и залегла в берлоге дальнего угла сердца, повесив на ручку двери табличку «не беспокоить». Эти счастливые лица! Эти белые цветы! Бантики! Соню едва не стошнило манной кашей прямо на юбку.

– Сонечка, улыбнись! Это твой первый день в школе! – сияла мама. Её ситцевая юбка в горошек пестрела на фоне цементно-бетонной унылости пейзажа. Замазюканный помадой рот нервно кривился, пытаясь выжать улыбку. Кофточка ёршилась катушками. Папа икал рядом. Описание его гардероба мы опустим, ибо надеюсь, что все доживём до пенсии и воочию примерим. Девочка наша бесценная, Соней обозначенная, закатила глаза и искренне пожелала себе тут же умереть на месте, предоставив Богу самому решать, каким именно образом он разделается с ней, и желательно срочно.

Но Господь не особо спешил. Соня печально признала, что её личный конец света отложен на рассмотрение, получив позвольительное по карме «в самое ближайшее время мы займёмся вашим вопросом», что означает «отвали, не до тебя тут».

– Давай будем дружить! – подлетела к ней раздутая веселым девчонка с огромным белым бантом и красным портфелем.

Соня склонила голову, посмотрела на неё долгим взглядом, словно энтомолог на пришпиленное насекомое.

– Это всерьёз или мне снится? – спросила она.

– Хм, – обиженно хрюкнула несложившаяся подружка и, отвернувшись, убежала, бросив издалека негромко: – Очумелая какая-то!

Идёт мужик через детскую площадку по своим делам. Видит, сидит в песочнице девочка и со злостью пытается открутить кукле голову. Мужик подходит к ней и ласково спрашивает:

– Ну что же ты, девочка... Ты что, кукол не любишь?

На что девочка, отрывая злосчастную голову, огрызается:

– Я и людей-то не очень!

Стены. И словно бы нет ничего снаружи. Всё видимое в прорехах стен видится не привычным исхоженным вдоль и

поперёк, но акварельной зарисовкой из детской книжки. И вот уже это не тропинка, которой ты через день ходишь за молоком и хлебом, но мазок коричневатой сажи, и ободранная кисть художника небрежно мазнула её на общий, плывущий дождями холст. И ты забываешь, что там реальная жизнь и чьи-то судьбы, но ползущее в глазах марево стекла отражает только заставку, призванную скоротать время перемены. Этажи здания словно палубы уходящего в небо корабля. Про трюмы и думать не хочется. Мостики переходов между палубами отмечены вахтенными дежурными с красными повязками на руках, которые имеют власть ловить и наказывать бегающих по лестнице. Длинные коридоры, в которых смешалось будущее и прошлое, первые строчки букваря и интегральные вычисления тригонометрии. Стены в четырёх слоях краски, тянущие к тебе почки и побег отсыревшей штукатурки, которую так приятно зацепить, шагая вдоль, и осыпать грязным снегом под ноги. Пол в стыках и трещинах. Наступать на них – дурная примета. Магия поймает тебя на неосторожности. Как и всегда в жизни. Но таки здесь всё ярче и заметнее, есть время научиться заранее. В этом запакованном бетонно-блочном мирке есть свои дальние углы, куда можно забиться и почувствовать себя настоящим. В углах пахнет хлоркой, мокрыми окурками и старостью сырого потолка. Есть возможность снять затасканную маску, слить её в адскую вонючую черноту и приклеить к лицу новую, свежую, с благонадёжной улыбкой или превосход-

ством, с жалостью или суровым одиночеством. По перегородкам змеятся бытовые мудрости, оскорбления от тех, кто не способен высказать их в лицо, пожелания о будущем и просто самоутверждения, проекты новых масок. На первой палубе плавает запах еды. Звенит алюминий ложек. Журчит непрерывная чехарда разговоров. Рядом за стеной приютились шкуры и скафандры для выхода в открытый космос улицы. Невнятное бормотание и суету разрезает протяжный, режущий уши звонок. Всё стихает. Мгновенно весь корабль становится тихим и безлюдным. И только скоропалительное топотание опоздавшего отзывается в стенах многократным повторением эха, словно выстрел в лесу. Это – школа.

Привычное нам слово «школа» изначально в истории нашей планеты имело совершенно иной смысл. Им обозначали не заведение для обучения чему-либо, не процесс познания, а то, что нынче мы знаем под словом «досуг». Что-то вроде современной «продлёнки» для не слишком к месту пришедшихся малышни и оголтелых подростков. На Руси-матушке школу в таком первоизданном виде ввёл царь-батюшка Пётр Первый да заполонил её вельможными отпрысками от 12 до 17 лет кряду. И давай их всячески развлекать, пока их мамы и папы занимались важными государственными делами да на балах топтались. Компьютеров со стирающими мозги виртуальными игрушками тогда ещё не было, поэтому досуг детей организовать было непросто.

Это сейчас можно избавиться от дитятки, просто сунув ему невзначай заветный пластмассовый экранчик с конопульками. Что даёт вам все шансы забыть про него на сутки или двое, пока жрать не попросит. Кинул ему в миску чего-нибудь (за игрой всё равно особо разбираться не будет) и ещё на сутки забыл о нём. А через пару лет таких развлечух можно уже и вовсе про него забыть, ибо он превращается в безмозглый овощ, который не способен ни к какому нормальному, живому социальному общению, с напрочь нарушенной системой моральных и нравственных координат. И в довершение, на сладкое, у ребёночка полный набор садистских замашек с эротическим уклоном. Женечка-потрошитель готов! Но при царе Петре компьютеров не было, а потому в далёкое царское время приходилось занимать детское внимание гувернанткам, нанятым шутам и прочим попавшимся не вовремя под царскую руку работникам дворца. Это уже потом школа стала местом обучения коллективно согласованным знаниям, когда уровень «ну, знаете, так вполне действительно может быть, кто знает» почти приближается к «что и требовалось доказать». Нужно учитывать, что, например, такой школьный предмет, как история, является крайне ненадёжным до сих пор и вовсе не согласован в учебниках разных стран. В заморских учебниках на басурманских языках написаны совершенно разные факты хроники событий на нашей планете. На уроках истории в США, к примеру, и сейчас учат, что Вторую мировую войну выиграла именно аме-

риканцы, а все остальные – в принципе, спасибо, что немного помогли, но могли бы и не дёргаться. А во многих китайских учебниках по географии, в официально издающихся там картах и поныне на сегодняшний день вся территория России, от Уральских гор и до Камчатки, со всеми якутами, чукчами, сибиряками, алтайцами и прочим населением всей Руси, указана как государство Китай. То есть в современном Китае многие школьники свято уверены, что все эти Кемерово, Новосибирски, Омски, Томски, Барнаулы, Магаданы, Красноярски, Владивостоки и другие города – это всё их законная и весьма давно китайская территория. И очень они удивляются, когда наконец-то берут билет на самолёт и прилетают в эти самые «китайские» города и вдруг встречают на улицах массу вовсе не китайских граждан, которые шлют их русской бранью к японо-матери и советуют: «Свали на хер, китаёза косоглазый, не путайся под ногами, а то, бля, щаз в лапшу тебе всю твою корейскую морду порежем!» И все эти сотни тысяч наученных в школах китайцев разом восклицают: «Какого китайского хрена тут происходит? Кто эти люди?» Но и это была бы беда не беда, если бы не далее. А дальше стало хуже. Во-первых, царские воспитатели быстро утомились развлекать молодую поросль и взялись их учить наукам. И понятное дело, что дело пошло вовсе не гладко. То бишь как это так? Игрушки отняли и давай уроки задавать? Мы так не договаривались! И пришлось вводить меры наказаний. Запахло инквизицией, а издалека призывно замахав-

ла ладошками каторга с кандалами. До последнего как-то не дошло, но первое, очевидно, пришлось к месту и времени. Решили истязать учеников массово, показательно и в строго отведённое время. Так, в царское время школьникам устраивали коллективную порку розгами и другими вспомогательными орудиями в конце каждой учебной недели за проступки, совершённые в данный период обучения. И назвали всё это – внимание! – «субботник»! И эти самые «субботники» просуществовали в таком виде до второй половины XIX века. Преподавателям так понравилось избивать плетьюми и розгами детей, что данный педагогический процесс оброс со временем поговорками и аббревиатурами. Например, выражение «всыпать по первое число» берёт начало именно из тех далёких «сладких» времён. Это выражение применялось в тех случаях, когда порой ученику доставалось при порке излишне с процентами (видать, люди таки скучают по Страстям Христовым с исторической чесоткой в руках), а потому он освобождался от экзекуций на месяц, а точнее до первого числа следующего месяца. Это уже потом гуманная советская власть разумно решила, что незачем просто молотить по спине и заднице детей в то время, когда можно получить из всего этого очевидную выгоду в виде бесплатной детской рабочей силы. Вдобавок не стали даже искать поводов для таких наказаний, а просто принудили всех и без разбору детей школьного возраста работать по субботам на благо государства. К тому же и слово «субботник» подошло как нель-

зя кстати. Удобно. Выгодно. Без излишних революций. Или выражение «сморозить глупость» – оно также появилось в царских школах Руси. Греческим словом «морос» называли хулиганов, бездельников и в целом не слишком примерных учеников. Отсюда прилипло в дальнейшем и наше привычное оскорбление «отмороженный», что означает «глупый». И, между прочим, учебный год в разных школах мира начинается в разное время. Полный бардак! Примерно в 16 странах учёба начинается 1 марта, а в других 43 странах – 1 января. И оценками разнятся дневники корпящих над тетрадками детишек в разных государствах. В Чехии, к примеру, единица – далеко не самая плохая оценка, а совсем наоборот, самая высокая. Французы и вовсе применяют 20-балльную систему оценок в школе. Ну, им простительно, они лягушек с улитками едят, так что можно только посочувствовать. А есть страны, где в школах оценки и вовсе не поддаются нашему пониманию и никоим образом не похожи на привычные нам пятёрки, четвёрки, тройки и двойки. Одних иероглифов пруд пруди, а если дальше копнуть – то и вовсе замутит головушку. Так и хочется праведно воскликнуть на кошерном идише: «Какого китайского хрена тут происходит?»

Неприятности Сони начались с первого же класса. Так уж Бог посмеялся над ней, что она родилась левшой в стране, где было государственным указом объявлено, что все школьники обязаны выучиться писать правой рукой. Глупо?

Смешно? Трагично? Знай, дорогой читатель, это есть правда о нашей с тобой Родине. Каких-то тридцать лет назад этот полоумный бред был возведён в государственный закон на самом высоком уровне. Да и сейчас не стало легче, если оглянуться по сторонам. Правой! Правой! Раз-два-три! Равнение направо! Многие из вас и уверовать нынче не могут, что совсем недавно законы Советской страны были на этот счёт весьма категоричны. Советский школьник левшой быть не может! – это было написано чёрным по белому в указе правительства нашей Советской страны. В те годы учителя и подумать не могли, что Бог таки не зря созидает каждое существо индивидуально. Экономика им разум помутила. И до сей поры они всё так же мало задумываются о высших смыслах, упираясь в предписанное до святого дня зарплаты. А, забыл, есть ещё волшебное слово «отпуск», которого могут лишить за либерализм и доброту к детям.

Соню били по рукам, но буквы упрямо не выходили ровными. Пытались пару раз давать ей подзатыльники. Но она не стала долго терпеть, и когда однажды получила линейкой по спине за свой неровный по генетическим причинам почерк, таки встала из-за парты, взяла свою линейку и как следует огрела учительницу между лопаток со словами:

– Не очень больно?

Первый «А» класс замер. Учительница хватала ртом воздух.

– Лично мне очень. Поэтому не обижайтесь, если я буду

вам отвечать тем же. Или же научитесь писать левой!

Учительница вылетела из класса, хлопнув дверью. Родители были вызваны в школу к директору. Одноклассники нервно хихикали от страха и зависти. Соня оглядела класс и грустно поникла головой:

– Тупые овцы!

Класс перестал хихикать. И лишь одна девочка в классе глянула на Соню с неподдельным интересом, закусив карандаш. Ну да мы ещё о ней услышим.

Родители Сони работали на благо необъятной матушки-страны и приходили домой к семи часам вечера. Убедившись вскоре в ранней самостоятельности дочери, мама и папа, начиная с третьего класса Сониной учёбы, перестали прибегать днём на полчаса пичкать её обедом, предоставив ей самой кормиться оставленным в холодильнике. Утренняя остывшая кашка-малашка не лезла ни в какое горло, поэтому Соня прожила школьные годы исключительно на бутербродах. Причём если основа их была более-менее стабильной и заключалась в ржаном безвкусном хлебе, то поверх хлеба в ход шло всё, что можно было найти на кухне. Иногда эту трапезу заходила разделить с ней единственная подружка из класса, такая же неустроенная в миру, готично облачённая в чёрное девица с вечно порезанными руками. Они с Соней как-то оказались рядом в очереди в буфет школьной столовой, косились друг на друга через плечо. А когда настала по-

ра получить в руки лакомство в виде несвежей ватрушки с унизительной каплей варенья, будущая подружка взвесила в руке это произведение кулинарного искусства и со словами «Люди – свиньи!» запустила его наотмашь куда-то в центр гудящего человеческого муравейника.

– Жизнь – дерьмо! – тихо закончила её мысль Соня. – Сейчас забегают, нытики.

Одноклассница внимательно посмотрела на Соню и утвердительно кивнула.

– А мне насрать. Меня тут все называют очумелостью, мне всё сойдёт. – Она ухмыльнулась.

Соня впервые за много месяцев улыбнулась в ответ:

– Не поверишь, меня тоже.

– И всё время считают, что я порю чушь.

– Та же история. Просто Чумка, – Соня протянула руку.

– Значит, Чумка? – Подружка хохотнула и крепко пожала Сонину руку. – Отличное имечко!

Соня хохотнула в ответ:

– Значит, Чушь?

И они обе захохотали в голос. С тех пор они стали держаться друг друга.

На троих. Суший Зверь

Было около семи утра, когда высокий незнакомец в пальто с собакой вошёл в город. Рваная вата лохматых серых облаков просочилась первыми каплями нудного и долгого дождика. Песни птиц стыли на сквозняке. Редкие капли унылости стремились окопаться в газонах. Странник раскрыл зонт и кашлянул бабочками. Пёс прижался к ногам, недовольно оглядывая окружающую их безнадёжность. Многоэтажки смотрели на них безучастными глазницами окон. Окулист по ним плакал навзрыд. И в каждом окне копошилась своя жизнь. Свои проблемы, скандалы, желания, мечты, невыполненные обещания, фикусы, люстры и надежды на светлое будущее. Это самое светлое будущее, столь желанное и далёкое, оправдывало всё остальное. Хотя с таким же успехом можно надеяться на вкусное благоухающее варенье, делая его из гнилых яблок и болотной воды.

– Мда, – только и протянул незнакомец, оглядев улицу. – Желаний жажда готовит нам падение во тьму.

Ботинки никому не знакомого потекли сыростью, ощерились мхом, из пальто показались мышинные хвостики.

– Рр-рр! – согласно проворчал пёс.

– Но нам туда, – махнул рукой высокий господин в сторону дворов, отчего те загрустили и осунулись старыми оконными рамами. – Пошли, мой друг, не будем скорбью напол-

нять глаза свои, огнём сердец делиться. Труба поёт, звонок мы слышим явный. Нас ждут, так поспешим, не дав беде следами поживиться.

Пёс совершенно по-человечьи кивнул головой и побежал вперёд. Пыльная быль потянулась за ним согласно, без возражений. Былинки танцевали в такт хвосту, пыль сбивалась в кучки. Из каждого его следа, оставленного в земле, выползали на свет божьи коровки.

Они прошли сквозь несколько дворов, никем не замеченные, и вышли на широкую улицу, ведущую в центр города. Бюро путешествий, последний писк в мире женского белья, автотовары, всё в достатке и по скидкам. Несколько прохожих, спешащих на работу, украдкой разглядывали странную пару. Но стоило псу бросить ответный взгляд, они тут же прятали глаза и, вжимаясь шеей в воротник, спешили удалиться, внезапно начиная чихать и першитесь горлом. Странник неспешно перешёл улицу, вытащил из карманов скопившихся там воробьёв и науськал их как следует, как вдруг услышал за спиной скрип и лязг. Пёс озадаченно склонил голову набок. Чёрный пух с перьями осыпался у него из-за ушей. Скрип не унимался. Лязг упрямо вторил. Ритм хромал. Паузы запинались. Облака крючились недовольно и просились в буфет за коньяком, аки в приличной опере.

– Повозку слышу я, – бросил псу хозяин и остановился, пустив корни в асфальт.

Из-за поворота лениво выехал утренний троллейбус с

жёлтой табличкой «23» и, хотя в означенном месте не было остановки, почему-то затормозил и, остановившись, открыл двери. Пневматический механизм, распечатляющий двери в любой пассажирской докатилке, столь сложен и промаслен, что я опушу данное техническое описание в дальний ящик, а вы там потом его найдёте, коли непременно понадобится. Любимый вопрос Вселенной: «А почему бы и нет?»

Малочисленные пассажиры вытянули удивлённые лица. Господин с собакой вошли в задние распахнутые створки тронутого ржавчиной передвижного шкапчика. Надписи, сделанные авторучками и фломастерами на спинках его сидений, повествовали о личной жизни населения города. Там же давали комментарии по поводу спортивных новостей с указанием эпитетов в адрес конкретных футбольных команд. Несколько автографов. Схематичное изображение половой принадлежности. В целом литературный стиль хромал. Противоречивость взглядов намекала на отсутствие согласия промеж народа. Надрыв в «личном» предрекал ознакомление с антидепрессантами.

Подошедшая контролёрша привычно гаркнула: «В транспорт с собаками без намордника нельзя!», но осеклась колыхающимися краями, встретившись взглядом с лохматым чудовищем. Зверь слегка окрысился, прижал уши, сверкнул пожелтевшим от времени левым клыком. По холке лениво прошла искра. «Извините», – проямлила контролёрша, сама от себя не ожидая такого, и поспешно ушла в переднюю

часть салона не отвлекать водителя, аки было строго прописано в правилах поведения населения в данном виде общественного транспорта. Пассажиры даже и не думали оглядываться. И нашлось-таки во что уткнуться. Высокий господин внимательно переглянулся с псом, пожал плечами с обвалившимися минутами и тоской краями и, облокотившись на поручень задней площадки, устался на дорогу. С его пальто упали обрывками сожжённые осенью кленовые листья. Белые полосы прерывали дорогу магическим пунктиром переменчивости. Контакты залипли. Ток нервно пробежался по проводам. Троллейбус тронулся. Странник хотел было повесить на поручень зонт сушиться, но ручка зонта прошла насквозь, наскоро изменив свою осиновость на дубовость. Новоявленный всея троллейбусу пассажир нахмурился и мигнул водяным глазом, затем повторил попытку. Ручка послушно зацепилась, и зонт повис, вздохнув облегчённо. Пёс свернулся на полу. Улитки привычно делают то же самое постоянно. Сворачивание в целом имеет место быть в данном мире, скрывая под собой глубокую значимость уюта, комфорта и теплоты домашнего очага. Завывая электромоторами, рогатая повозка тронулась по маршруту. Белые полосы побежали по дороге, привычно прерывая мир, и без того издёрганный несоответствиями.

Автобус с рогами, с любовью названный людьми отнюдь не «козлиной повозкой» и не «рогаточкой», а загадочным

словом «троллейбус» (видимо, имелся в виду автобус для троллей), появился на нашей планете в начале прошлого столетия. И наша страна тут вовсе не отставала от общего технического прогресса, который и по сей день уничтожает нашу планету быстро и надёжно. К примеру, до сих пор самая длинная дистанция в мире, которую пробегает «рогатенький», возя в своём пузике беспечных пассажиров, находится между Симферополем и Ялтой. На этом маршруте можно успеть недурственно выспаться, ибо целых 86 километров преодолевает тут троллейбус, скрипя проводами в окружающей степи.

Иногда люди загоняли рогатые повозки под землю за неимением свободной площади для их передвижения, но так обладая желанием иметь оное чудо техники в своей стране. Этими чудачками стали японцы. Они нарыли туннелей в горах, связав тайными подземными ходами города Татэяма и Омати, протянули в подземельях проводки и пустили бегать по ним некоторое количество троллейбусов на удивление туристам и во уважение самим себе. Земля в Японии дорогушая, так что наземных троллейбусных линий там сколько ни ищи, не найдёшь вовсе.

Венгры и вовсе отличились. В 1949 году они открыли для себя этот электромеханический вид рогатого скота, накормили его батарейками, снабдили цеплючими антеннами и запустили кататься по Будапешту с номером, внимание, семьдесят! Номер этот странный они подарили первому своему

«рогатику» в честь дня рождения Иосифа Сталина, с которым, видать, сильно тогда дружили и которому решили преподнести такой странный подарок. И по сей день в славном городе Будапеште нет троллейбусов номером меньше семидесятого, хотя Иосиф Виссарионович уж давно почил в бозе.

Болгары, что мирно себе жили и не тужили рядышком с венграми, посмотрев на это дело, решили использовать троллейбусы вдоль и поперёк, казисто и не очень, разнообразно и многоцелевым способом. Установив в центре города Пловдива автобус для троллей, они сделали в нём общественную библиотеку и назвали её в честь первого историка-хронолога болгарского, батюшки Паисия, который аукнулся в Лету аж в XVIII веке и, конечно, в общем и целом ни шиша не знал ни о троллейбусах, ни о готовящемся им и ему совместном уделе. Но нынче любой гражданин, шастающий мимо данного чуда и страдающий фобией езды на троллейбусах, может просто бесплатно зайти в него, посидеть часок-другой за книжкой, которых там не счесть, и почувствовать себя полноправным пассажиром. Это почти как посидеть в космической ракете, установленной в приличном Центральном парке культуры имени отдыха, и почувствовать себя Гагариным.

Ну и немного мистики в конце опуса о технике публичной перевозки. На троллейбусном маршруте № 6 города Орёл есть остановка «Школа № 19». В Иркутске также есть троллейбусный маршрут № 6 с остановкой «Школа № 19», в Новочебоксарске на 6-м городском маршруте также имеется

остановка «Школа № 19», являющаяся конечной, а в Хабаровске затерялась остановка «Школа № 19» на 6-м маршруте трамвая, но о них тут помолчим пока, ибо время трамваев в этой книге ещё впереди.

Люди заходили и выходили. Обычное дело. Миронерчение в миниатюре. Снег в стеклянной колбочке с фигуркой танцовщицы. Пробивали талончики, предъявляли карточки, усаживались на свободные места, и лишь некоторые мельком замечали лежащего на задней площадке огромного чёрного пса, но благоразумно решали не вмешиваться. Да и что они могли у него спросить? Высокого господина и вовсе никто особо не замечал, разве что старинный зонт, почкующийся в рукояти веточками вербы, иногда приковывал одинокий любопытный взгляд. Антикварная вещь. Компот в неё не нальёшь, фикус не посадишь. Чудесатая шизь. Интересно, но в быт не привлекается. Внезапно кто-то тронул странника за плечо. Тот чихнул мотыльками и обернулся. Перед ним стоял маленький мальчик лет шести, в клетчатой рыжей рубашке и полинявших синих шортах, который, нисколько не смущаясь, с тихой серой улыбкой спросил:

– Дяденька, а это ваша собака?

Пёс напрягся, но хозяин сделал неуловимый жест рукой и восстановил покой.

– Да, – кратко ответил господин из-под шляпы. И судья при приговоре не сказал бы точнее и короче.

– Красивая, – протянул, улыбаясь так же неслышно и невесело, мальчик.

Странник чуть усмехнулся в отсутствие бороды, а пёс поднял острое погрызенное ухо.

– У меня тоже собака была, – с лёгкой печалью продолжил мальчуган. В его глазах замелькали кадры бесхитростной катавасии с мячиками, поводками, ворчанием и покусываниями.

Широкие поля шляпы качнулись, прозрачные глаза выжидающе уставились на него. Диоптрии свободно занимали места.

– Она потерялась, – малыш опустил глаза в пол. – Убежала.

– О нет, мой юный друг, – чуть помедлив, твёрдо произнёс странник. – Собакам просто так не потеряться. И убегают, лишь почувствовав, что не нужны аль нелюбимы в доме. Мне жаль, но правды горек вкус. То мать твоя прервала жизнь любимца твоего, на смертный сон его определив. И усыпила ядом, утопив во дрёме.

Троллейбус качнуло. Вдалеке ударил гром. Пассажиры укоризненно глянули мимо друг друга. Водитель ругнулся на татарском и закусил усы. А что ещё кусать, если до остального придётся дотягиваться? И не факт, что все будут довольны, когда дотянешься. А ведь ещё и хохотнут ненароком, мол, руки коротки. Одни неопределённости. А усы – они всегда к услугам. И кстати, водителя не отвлекать! Так

что продвигайтесь, товарищи, на заднюю площадку салона. А вот мы уже и здесь.

Паренёк тутошний зажмурился, глубоко вздохнул:

– Наверно, вы правы. Только я не хотел так думать.

На его глаза навернулись слёзы.

– Меня зовут Миша. И я не знаю, что это значит.

– Суший, – представился в ответ высокий господин, – что значит «существую». А впрочем, се одно-единственное, что вообще тут имеет место быть. Но возвращаясь к твоему вопросу о собаках...

– Я просто хотел ему сказать... сказать... ну... что я люблю его. И что всё будет хорошо.

– Скажи ему сейчас, – и Суший указал на лежащего пса. – И для того шанс время обернуть тебе был предоставлен, дабы изречь всё то, что ты не смог забыть.

Лохматое чудовище с готовностью подняло голову. Пёс даже попытался улыбнуться, слегка раздвинув челюсти устрашающей наружности. Получилось мило, но срочно убежать в туалет всё равно захотелось. Как говорил мой знакомый в таких ситуациях: «Хочется плакать и, кажется, какать!»

– Ну, он же ваш, а не мой, – печально сказал мальчик. – Я своему хотел успеть сказать...

– Се Зверь, – странник наклонился к парнишке, – и есть все те собаки, которых потеряли и забыли в пустоши ума, которых предали и в омут Леты бросили поспешно, стыд-

ливо забывая имена. Их выбросили в грязь обочин жизни или отправили на гибель, умысел сокрыв в глубинах совести немой. Но ты не бойся, никто из них не сгинул, все они тут, лишь тронь его рукой.

Миша раскрыл и без того отнюдь не восточного уклада глаза, уставился на пса и исчез в нём медитативно, отбросив окружающее. И он увидел в Звере сотни и сотни кадров замерзающих лап, оскаленных в боли пастей, сломанных рёбер, перебитых хвостов, вой одиночества, тоску несправедливости, порванные чужими челюстями ошейники, откопанные в сугробах тухлые объедки. В Мишином взгляде не было испуга. Вот что я хотел сказать. Даже не знаю, удалось ли? Скорее, в Мише зажёгся огонёк удивления и надежды.

– Правда?

Пёс усиленно клюнул носом в пол, словно рапортующий комсомолец на построении, прикрыв лютые глаза, в которых застыл немой приговор миру.

– А как его зовут? – паренёк обернулся к Сущему.

– Се есть мой Зверь, – ответил тот. – То имя его в Книге Жизни.

Миша подошёл к псу и, несмотря на его жуткую акулистую морду и торчащие во все стороны острые иглы зубов, внезапно обнял его за шею и уткнулся лицом в загривок.

Собакоящер поднял на Сущего ледяные глаза, но не дёрнулся.

– Прости меня, Зверь, – мальчик всхлипнул. – Я мог спа-

сти тебя. Я мог бы остановить эту тупую дуру!

– Нет, не кори себя, – тихо наклонился странник, – не ты за то в ответе. Ты сделал многое и сердце не предал. И твоя мать «тупой» не наречётся. Бывает так, что сложится судьба в оплаченном билете и принимать придётся то, что Бог предначертал. У всех по жизни выются свои тропы. Иди своей и будь самим собой. Когда-нибудь сойдутся тропы в пустошь, и повстречаешь всех, с кем был повязан на пути судьбой.

– Я люблю тебя, – тихо сказал Миша в ободранное собачье ухо, отпустил шею пса и поднялся с корточек, повернувшись к выходу. Зверь не шелохнулся. Холодные, потухшие глаза смотрели в одну точку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.